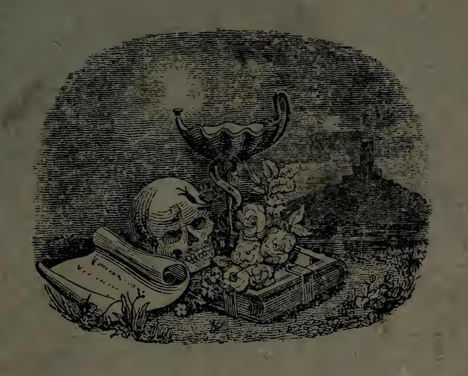
ИЗЪ БЫЛАГО.

КАВКАЗСКІЕ РАЗСКАЗЫ

Д. Чеботарева.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1862.

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

Chebotarev, D

ИЗЪ БЫЛАГО.

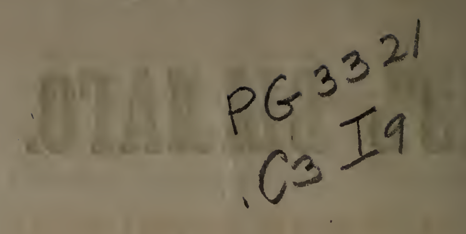
КАВКАЗСКІЕ РАЗСКАЗЫ

Д. Чеботарева.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ІОСАФАТА ОГРИЗКО.

1862.



ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ 30 Марта 1862.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

БЕЗЪ-ВѢСТИ ПРОПАВШІИ.

Въ 184* году полкъ нашъ стоялъ въ крѣпости Внезапной.—Весной батальоны отправлялись по очереди на вырубку лѣса; дошла очередь до нашего батальона.

Собравшись на скорую руку, въ 5 часовъ утра выступили мы изъ крѣпости, подъ артиллерійскимъ прикрытіемъ. Часа четыре шли безъ отдыха, по едва проходимой дорогѣ, и остановились подъ опушкой лѣса.—День стоялъ жаркой; солнечные лучи, падавшіе отвѣсно на землю, жгли голову; разныя мошки кружились въ воздухѣ и совсѣмъ облепляли лица солдатъ — умаялись и привычные люди. Артиллеристы разнуздали коней, задали имъ сѣна; а мы разставивъ часть людей въ цѣпь, отправились съ ружьями и топорами въ лѣсъ.

Ичкеринскіе лѣса не нашимъ чета: другое дерево впору троимъ молодцамъ обхватить. И какъ зайдешь въ этакой лѣсище—такъ держи ухо во-

*

стро: глушь и темень такая, что ничего неразберешь; сразу видно, что кромѣ дикаго звѣря; тутъ и ноги человѣческой небывало. Только и свѣту Божьяго, что надъ головой; а кругомъ, промѣжъ столѣтнихъ дубовъ, орѣшникъ и терновикъ переплелись такъ густо, что не только человѣку, а и звѣрю-то съ трудомъ пробраться можно.—За то гдѣ выдается поляна, такъ по ней травы и цвѣты — что твой садъ: ужь именно —

«Вырастала трава шелковая,
«Разцвѣли цвѣты лазоревые—
«И пошли духи малиновые!.»

Нанюхаешься, ажь въ головѣ затуманитъ.

У насъ въ полку было человѣкъ двадцат охотниковъ настоящихъ. Было ихъ, разумѣется, и больше — такихъ-то, что ходитъ по лѣсу какъ лунатикъ, да дичь распугиваетъ; а я говорю о природныхъ охотникахъ: такой знаетъ каждую тропу и стежку звѣриную, подойдетъ къ звѣрю или птицѣ—какъ тѣнь присунется. Словомъ, рѣчь идетъ о настоящихъ охотникахъ; а въ числѣ ихъ люди считали и меня грѣшнаго.

Полковой командиръ дозволялъ намъ охотиться при всякомъ удобномъ случаѣ; за то и у него и у офицеровъ дичина на кухнѣ не переводилась, да и у насъ, грѣхъ пожаловаться, карманы были не пусты. Бывало, чуть свободное время—маршъ

въ лѣсъ и гуляешь себѣ тамъ до самаго вечера: попадаются лоси, козы, кабаны, а фазановъ и дикихъ голубей—цѣлыя стада. Раздолье да и только!

Поотдохнувъ, батальонъ принялся за работу; разставили людей, и богословясь начали рубку лѣса, топоры застучали.—Мнѣ, какъ унтеръ офицеру, дѣлать тутъ нечего, я и попросилъ ротнаго командира позволить мнѣ по охотиться, не вдалекѣ отъ мѣста работъ; объ Азіатахъ поблизости слышно небыло, меня уволили на охоту.

Эта часть лѣса, гдѣ производилась рубка, была мнѣ нѣсколько знакома: недавно я охотился здѣсь съ соварищами и убилъ лося. Была надежда поживиться дичью.—

Осмотрѣвъ ружье и кинжалъ, пошелъ я влѣво отъ мѣста рубки.

Стукъ топоровъ слышался все слабѣе и глуше; а черезъ полчаса, я забрался въ такую чащу, что съ трудомъ пробирался впередъ: терновикъ царапалъ мнѣ ноги, густой орѣшникъ стоялъ какъ плетень, а вѣтви деревьевъ, особливо сосенъ, били по глазамъ и засыпали ихъ мелкой пылью. Расправляя руками вѣтви и кое-какъ подаваясь шагъ за шагомъ впередъ, я замѣтилъ однако, что лѣсъ начинаетъ рѣдѣть; полуизгнившее буреломное дерево завалило мнѣ дорогу. Уморившись отъ трудной ходьбы, я присѣлъ на это дерево и только

что хотѣлъ закурить трубку, какъ услышалъ трескъ ломающагося валежника и сухихъ вѣтвей. Я взвелъ курокъ, гляжу—шагахъ въ 50 отъ меня огромный лось пробирается чащей... Недолго думаючи, прицѣлился, дернулъ за спускъ, курокъ клюнулъ — осѣчка! Лось метнулся въ чащу и только хряскъ пошелъ по лѣсу.

Охотникъ пойметъ всю мою злость, и досаду на свою же оплошность: ничего нѣтъ таже и противнѣе этихъ «осѣчекъ и вспышекъ.» Недаромъ слова эти вошли въ такое общее употребленіе: ни какимъ другимъ выраженіемъ нельзя такъ мѣтко осмѣять глупую неудачу, ротозѣйство и безталанность человѣка. — Хоть такой грѣхъ съ плохимъ оружіемъ—нерѣдкость, но неудача эта порядочно раздосадовала меня. Однако, перемѣнивъ на полкѣ порохъ, и прочистивъ затравку— я пустился на поиски испуганнаго звѣря.

Больше часу бродилъ я по разныкъ направленіямъ, прислушиваясь къ малѣйшему шелесту: вотъ послышется хряснуло что-то—я спѣшу туда, опять все тихо; слышенъ шорохъ въ другомъ мѣстѣ — подкрадываюсь туда, но снова всё безмолвно. Истомившись въ безполезныхъ поискахъ этихъ, очутился я на гладкой полянѣ, усѣянной точно роскошный садъ, разнообразными цвѣтами Красота мѣстоположенія, тишина, запахъ душис-

тыхъ цвѣтовъ манили на отдыхъ; я прилегъ у корней стараго дуба и засмотрѣлся на кудрявую и густую зелень деревьевъ, окружившихъ поляну.

Кàкъ хорошо на душѣ отдыхающаго въ уединеніи человѣка; какъ хороша природа, когда человѣкъ ничего недобивается отъ нее кромѣ покоя! За минуту передъ этимъ я досадовалъ на эту чащу и трущобу, когда она мѣшала мнѣ преслѣдовать звѣря; а теперь я засмотрѣлся на эту же непроходимую трущобу, и восхищался густо-переплетенными между собой вѣтвями кустарниковъ и деревьевъ. Точно зеленая, лиственная стѣна окружала цвѣтущую поляну. Въ воздухѣ было тихо, ни одинъ листокъ не шевелился...

Вдругъ, передомной на выстрѣлъ, покачнулась вѣтвь орѣшника. Я глядѣлъ несморгнувъ; что-то живое шевелилось въ кустахъ, но какъ разъ туда падали ослѣпительные лучи солнца—ничего нельзя было разглядѣть. Кусты шевелились, сушнякъ хрястѣлъ, что-то громоздкое двигалось за ними.... Это непремѣнно бѣглецъ мой—лось! Зелень раздвинулась на мигъ, и опять сомкнулась: казалось прошелъ звѣрь; такъ и есть—это онъ! промежь вѣтвей чуть видна голова его. Съ замираніемъ сердца, я приложился—грянулъ выстрѣлъ и что-то тяжелое, простонавъ упало на землю. Я пе-

ребѣжалъ поляну, раздвинулъ кусты, гляжу на мою добычу — и обмеръ отъ ужаса....

Передомной лежалъ съ окровавленной головой — рядовой Васильевъ, охотникъ нашего батальона. Предсмертныя судорги подергивали его тѣло, онъ уже не стоналъ.... Я упалъ передъ нимъ на колѣни, взялъ за руки несчастнаго товарища, звалъ его по имени, дулъ ему въ лицо — все напрасно; пуля разбила ему лобъ и вылетѣла черезъ затылокъ.

Я незналъ что дѣлать отъ отчаянія: если бы ружье мое было заряжено — вѣрно пустилъ бы я пулю себѣ въ лобъ. — Долго сидѣлъ я безъ движенія надъ моей случайной жертвой; солнце уже при ближалось къ западу, кругомъ было тихо, ничто нешелохнусь; полуоткрытые глаза мертвеца уставились въ меня, какъ будто съ безмолвнымъ укоромъ.... Господи! за что ты наказалъ меня такъ ужасно!..

Почти въ безпамятствѣ вскочилъ я и бѣгомъ бросился отъ трупа. Непомню, какъ и куда бѣжалъ я: все во кругъ меня казалось страшнымъ, окровавленнымъ. Облитыя яркимъ лучомъ заходящаго солнца, вѣтви деревьевъ показались мнѣ вымоченными въ крови, били меня по лицу, хватали меня, опутывали мои ноги, какъ будто хотѣли задержать меня....

Я прибѣжалъ къ нашему бивуаку именно въ ту минуту, когда батальонъ, покончивъ работу, уже собрался идти въ крѣпость. Я ничего неслышалъ что говорили кругомъ меня; какъ въ тяжеломъ снѣ видѣлъ я передъ собой людей — и безсознательно пошелъ за ними.

Мы пришли въ крѣпость, я все еще немогъ опомниться. Вечеромъ, при перекличкѣ въ одной ротѣ полка неоказалось солдатика.

«Попалъ, значитъ, къ Азіатамъ! не разъ говорили ему — неходи въ одиночку; эхъ жаль человѣка!» разсуждали солдаты. — Я чувствовалъ на себѣ холодный потъ, но не имѣлъ силы сказать ни слова.

На томъ и кончились розыски о бѣдномъ Васильевѣ; куда пойдешь искать!..

Нераньше недѣли оправился я отъ моего безчувственнаго остолбененія — и тотчасъ же отпросился на охоту.

Съ разу нашелъ я роковую поляну, гдѣ въ цвѣтахъ и въ зелени отдыхала вмѣстѣ со мною невидимая смерть, и предательски навела мою руку на друга.... Нашелъ я и мѣсто, гдѣ онъ былъ убитъ — но тѣла его уже небыло: тамъ и сямъ валялись разбросанныя и оглоданныя кости.... Шакалы оглодали ихъ.

Вырылъ я кинжаломъ могилу, собралъ кости

товарища, закопалъ ихъ глубоко, и натаскалъ на эту могилу лому и валежнику. На колѣнахъ, въ слезахъ молилъ я Бога объ упокоеніи души безвинно погибшаго, и о прощеніи мнѣ неумышленнаго убійства.— И стало легче больной душѣ моей.

Погребеніе кончено, поставленъ связанный изъ сучьевъ крестъ на могилѣ — еще разъ припалъ я лицомъ къ могилѣ этой, попрощался съ убитымъ другомъ и пошелъ черезъ поляну.

Безмолвныя деревья развѣсили свои неподвижныя кудри, роскошныя цвѣты красовались подъ яркимъ солнцемъ,—все, словно глядѣло на меня каждымъ листкомъ своимъ, глядѣло безъ упрека—но грустно, задумчиво, неподвижно...

Я прошелъ поляну, обернулся, глянулъ на нее послѣдній разъ: «хоть ты прости меня, цвѣтущая поляна!» подумалъ я.—Она, словно улыбалась тысячью прекрасныхъ цвѣтовъ своихъ....

Я пришелъ въ крѣпость; черезъ часъ собрались люди къ перекличкѣ.

«Васильевъ!» читалъ по списку фельдфебель.

«*Пропалъ безъ-вѣсти!*» откликнулся голосъ изъ фронта.

Не осудите меня, братья!....

ПРОМАХЪ.

Отрядъ нашъ стоялъ въ Аргунскомъ укрѣпленіи и въ ближайшихъ къ нему аулахъ. Была осень и мы готовились къ выступленію на зимнія квартиры въ кр. Грозную.

Однажды вечеромъ сидѣлъ я передъ своею саклею; ко мнѣ подошелъ знакомый *мирный* татаринъ Абдулъ, почасту хаживавшій со мною на охоту. Поздоровавшись, онъ разсказалъ мнѣ, что верстахъ въ двухъ отъ аула, показалось стадо кабановъ: уже съ недѣлю какъ онъ замѣтилъ тамъ у ручья ихъ свѣжіе слѣды. «Если хочешь, *кунакъ* (другъ), то поѣдемъ на ночь караулить ихъ — съ пустыми руками домой невернёмся!»

Я съ удовольствіемъ согласился, тотчасъ же взялъ ружьё, кинжалъ и шашку—и отправился съ Абдуломъ къ нему. Живо запрягъ онъ свою *арбу*,

забралъ свое оружіе, мы сѣли и рѣзвая лошаденка потащила насъ къ сказанному ручью. -- За ауломъ дорога пошла по косогору; проливные дожди размыли глинистый грунтъ — арба скакала по рытвинамъ и промоинамъ — того и гляди что всю душу вытрясетъ. Я отказался отъ добровольнаго мученья, слезъ и пошелъ краемъ дороги, скользя безпрестанно, какъ по мылу. Абдулъ подскакивалъ на своей арбѣ какъ воробей, и подсмѣивался надо мною, пока при одномъ нечаянномъ скачкѣ неприкусилъ себя языкъ. — Съ горемъ по поламъ, мы прибыли на обѣтованное мѣсто.

Быстрый ручей извивался по балкѣ, поросшей густымъ мелколѣсьемъ: груша, дубнякъ и орѣшнихъ зеленѣлись по всѣмъ ложбинамъ; между ними, какъ голыя ребра, торчали по скатамъ балки, безлѣсные холмы.

«Ну, кунакъ, — промолвилъ Абдулъ, — вотъ мы и на мѣстѣ!» — Отпрягши лошадь онъ пустилъ её на арканѣ пастись, — и мы отправились на рекогноросцировку мѣстности.

Земля мѣстами была такъ изрыта, словно вспахана — видимое дѣло, что тутъ паслись свиньи. А у подошвы одного холма, по берегу ручья на вязкой глинѣ отпечатались ясно слѣды цѣлаго стада — тутъ водопой ихъ. Слѣдъ былъ отчетли-

вый свѣжій, что называется — горячій. Кабаны очень недавно были на водопоѣ.

Тутъ же на взгоркѣ, подъ кустами торчали два большіе камня; мѣсто самое пріютное для ночлега — мы и расположились съ Абдуломъ въ этой засадѣ, въ ожиданіи ранняго разсвѣта.

Въ разсѣянности, я наложилъ было свою трубку; но Абдулъ напомнилъ мнѣ о тонкомъ чутьѣ звѣря, который какъ разъ *свѣтритъ* близкое сосѣдство человѣка. — Нечего дѣлать, я свернулся и прилегъ на камнѣ; наступила холодная ночь, зубы мои начали постукивать какъ въ лихорадкѣ, сонъ сомкнулъ глаза...

Передъ утромъ зашелестѣлъ, словно проснулся, лѣсъ, — вѣтерокъ пробѣгалъ по деревьямъ. Чуть заалѣлъ востокъ, фазаны перекликнулись въ лѣсу — и солнце бросило первые лучи свои черезъ горы... Точно сквозь сонъ глядѣлъ я на великолѣпную картину зари...

Вдругъ Абдулъ тихо толкнулъ мена и приложивъ палецъ къ губамъ, кивнулъ головой на лѣсъ: — «приготовься, шепнулъ онъ — слышишь?»...

Охотникъ всегда чутокъ и зорокъ, — жажда добычи изощрила въ немъ глазъ и ухо. Но что значитъ всё наше охотничье чутье — передъ чуткостью и зоркостью азіата! Эта бестія слышетъ

какъ червякъ ползетъ, видитъ зà версту какъ листокъ шевельнулся. Зрѣніе и слухъ у него развиты не одной жаждой добычи, а и страхомъ за свою жизнь: у нихъ—кто первый увидѣлъ—тотъ и побѣдилъ, онъ весь и всегда на сторòжѣ, и вся жизнь его вертится на нашей пословицѣ: «либо сѣна клокъ—либо вилы въ бокъ!»

Я обернулся въ ту сторону, въ которую указалъ Абдулъ, и только минуты черзъ двѣ или три услышалъ отдаленный шумъ и увидѣлъ стадо дикихъ свиней, спускающееся съ горы къ ручью

Хрюканье старыхъ свиней и визгъ поросятъ становились все слышнѣе и звучно отдавались въ горахъ. Впереди и сзади стада бѣжали самцы, а въ серединѣ — самки и поросята.—Прибѣжавъ къ ручью, всѣ съ жадностію бросились пить воду.

Мѣшкать было не время — къ дѣлу! Тутъ только спохватились мы, что надо условиться по комъ стрѣлять — по старымъ или по молодымъ: старые свирѣпы, сильны и шкуру ихъ невсегда пробьётъ пуля; а подсвинка хоть и съ разу положишь, за то поживы отъ него маловато. Условившись нàскоро стрѣлять по старымъ, мы выбрали двухъ огромныхъ *одинцовъ* [1]); они первые возвра-

[1]) Одинецъ — старый кабанъ; по обжорливости и свирѣпости своей онъ всегда пасется отдѣльно отъ стада—и кидается храбро на всякую опасность.

щались съ водопоя и какъ только подошли къ намъ подъ выстрѣлъ — мы выстрѣлили разомъ.

Вмигъ все стадо переполошилось, перестало пить воду, сомкнулось въ тѣстный кружокъ и ожидало нападенія невѣдомаго врага. Старые кабаны заняли наружные фасы этого свинаго каре, ощетинились и пощелкивая клыками, злобно глядѣли на камни; поросята всѣ до однаго убрались въ середину стада. Когда дымъ отъ выстрѣловъ разсѣлся — стадо побѣжало въ лѣсъ, а одинцы раненые нами, съ остервенѣніемъ кинулись прямо къ намъ: — кровавая пѣна клубилась у нихъ изъ пасти и клочьями падала съ клыковъ на землю....

Признаться, мы сперва струхнули маленько — камни наши были не очень высоки и я припомнилъ поговорку моей родины; «идешь на медвѣдя — приготовъ кровать, а на кабана — гробъ.» Но мы успѣли снова зарядить ружья, и когда кабаны были уже у самыхъ камней — въ упоръ выстрѣлили по нимъ: пули разнесли черепы одинцовъ, оба они съ налёту рухнули на землю, пробороздивъ ее клыками и рыломъ.

Мы соскочили съ камней, осмотрѣли убитыхъ кабановъ: я занялся разнятіемъ ихъ на части, Абдулъ привелъ лошадь — и ма уложили на арбу нашу добычу.

Теперь можно закусить и покурить на радо-

стяхъ. Абдулъ досталъ изъ своего мѣшка толокна, у меня была фляжка водки въ сумкѣ — мы усѣлись и начали угощаться.

Откуда не возьмись—подходитъ къ намъ мирный чеченскій князёкъ, я его видывалъ въ укрѣпленіи, онъ заѣзжалъ туда иногда. Пробормотавъ обычное *«алла салассъ»* (здорово!) началъ онъ насъ расправшивать—давно ли мы на охотѣ и что убили? Я указалъ ему на арбу; князекъ взглянулъ, поморщился и присѣвъ около насъ, сталъ разсматривать наши ружья. Чортъ знаетъ чего ему хотѣлось; повертѣвъ ружья, сталъ онъ просить у меня зарядовъ. Разумѣется я отказалъ ему; онъ приставалъ, а я объявилъ на отрѣзъ, что выдача патроновъ чеченцамъ строго запрещена, и я недамъ ему ни зерна пороху. Князёкъ на это весь вспыхнулъ и сталъ ругать меня; я тоже не оставался въ долгу—и дѣло дошло до того, что онъ бросился къ моей сумкѣ, намѣреваясь насильно завладѣть моими патронами. Такой поступокъ вывелъ меня изъ трпѣнья, и я оттолкнулъ князька, — онъ схватился за кинжалъ и кинулся ко мнѣ...

Дѣло можетъ быть кончилось бы плохо, но я вспомнилъ, что князекъ часто бываетъ въ крѣпости для продажи барановъ, знается съ нашими офицерами — я и не взялся за оружіе. Къ тому

же Абдулъ сталъ уговаривать его успокоиться. Скрежеща зубами и задыхаясь отъ злости, князекъ ушелъ, съ угрозою непремѣнно убить меня. Сами мы съ усами! отвѣтилъ я, закурилъ трубку и отправился вмѣстѣ съ Абдуломъ въ укрѣпленіе.

На томъ дѣло и кончилось. Черезъ нѣсколько дней я и забылъ о князькѣ.

Спустя недѣлю я снова отправился на охоту; никому не сказался, потому что надѣялся походить не долго и не далеко. На дорогѣ встрѣтилъ я двухъ казаковъ, карауливших табунъ лошадей; казаки сказали, что недалеко онъ пастбища они подняли нѣсколько стадъ дикихъ голубей. Не вдалекѣ былъ лѣсъ—и я отправился туда; дѣйствительно, только что вошелъ я въ лѣсъ, какъ услышалъ воркованье голубей—цѣлыя стада ихъ сидѣли по сучьямъ сухоподстойныхъ деревъ. Двумя выстрѣлами я убилъ ихъ почти полный ягдташъ, закинулъ ружье за̀-плечи и поспѣшилъ домой.

Только что я вышелъ изъ-лѣсу и сталъ спускаться съ пригорка, какъ увидѣлъ скачущаго всадника; арканъ болтался у сѣдла его. Полагая, что это кто нибудь изъ жителей аула, я продолжалъ свою дорогу, прямо къ табуну, который пасли казаки. Обернувшись случайно, вдругъ вижу, что онъ несется во весь опоръ прямо на меня, съ поднятымъ вверхъ пистолетомъ. Я

узналъ въ немъ стараго знакомаго: это былъ чеченскій князёкъ.

Первымъ движеніемъ моимъ было — зарядить ружьё; но — это ужь поздно: князёкъ ужь въ 10 шагахъ. Я всталъ въ оборонительное положеніе; наскакавъ на меня, онъ съ размаху спустилъ курокъ... Щелкнуло у меня вмѣстѣ съ куркомъ и сердце—но пистолетъ осѣкся...

Вотъ когда осѣчка бываетъ очень хороша!...

Чеченецъ ударилъ нагайкой лошадь во весь карьеръ пустился кружить около меня, и снова подскакавъ, прицѣлился, курокъ щелкнулъ — я моргнулъ порядкомъ — опять осѣчка.

Препочтенная вещь!....

Можете представить себѣ — каково однако было мое положеніе, когда я и конца не видѣлъ этой потѣхѣ. Каждый ударъ курка отдавался въ моемъ сердцѣ, и покрайней мѣрѣ пять минутъ продолжалось это медленное разстрѣливаніе меня. Чего я неперечувствовалъ въ эти проклятыя минуты, и какъ набожно глядѣлъ на неисправный пистолетъ моего врага! А онъ ругался, скрежеталъ зубами и подсыпалъ пороху на полку за каждой осѣчкой и, то кружился надо мной, какъ ястребъ, то кидался на меня стрѣлою, щелкая своимъ дряннымъ куркомъ. Но ружья зарядить мнѣ не давалъ времени. Наконецъ, вспомнивъ

близость казаковъ, сталъ я кричать самымъ неистовымъ образомъ. Черезъ минуту два казака уже скакали выручать меня.

Завидя несущихся во весь опоръ казаковъ, князёкъ рѣшился-таки еще разъ попытать счастья: съ ругательствомъ повернулъ онъ коня, отъѣхалъ шаговъ на двадцат отъ меня, оправилъ кремень своего пистолета, подсыпалъ пороху на полку—и гикнувъ, стрѣлой полетѣлъ на меня. Я стоялъ въ оборонительномъ положенiи, держа ружьё за дуло—прикладомъ вверхъ; дѣло шло на̀-смерть. Въ трехъ шагахъ передо мной поднялъ онъ коня на дыбы, прицѣлился.... я невольно отшатнулся въ сторону — раздался выстрѣлъ—пуля провизжала у самаго моего уха.

Взвизгнулъ и князёкъ со злости; однако принагнулся къ лукѣ и пустился на утёкъ: казаки гнались за нимъ, но хитрый чеченецъ стрѣконулъ, какъ русакъ, въ бокъ съ дороги и пропалъ въ зелени лѣса.

Не вдругъ, признаться, оправился я: визгъ пули всё еще слышался, мнѣ — пролетѣла она, что-то ужь очень близко уха.

Казаки вернулись съ погони, и разсказали, что ужь нѣсколько дней сряду видѣли они этого чеченца у опушки лѣса, и подозрѣвали его въ

недобромъ умыслѣ: онъ всё какъ будто подкарауливалъ кого-то.

Вотъ-же и подкараулилъ!

Я уже больше неходилъ на охоту въ одиночку.

Вскорѣ разнеслись слухи, что знакомый князёкъ ускакалъ въ горы, измѣнилъ присягѣ, и изъ *мирнаго* сдѣлался *злымъ* татариномъ. И никогда уже болѣе невидали его въ крѣпости.

Однако, недѣли съ двѣ, что-то у меня часто позванивало въ правомъ ухѣ.

БЕЗЪИЗВѢСТНАЯ КОМАНДА.

КАВКАЗСКІЙ ОЧЕРКЪ.

(*Изъ разсказовъ рядоваго Ширванскаго Полка*).

На Кавказѣ было, а можетъ быть и теперь есть, обыкновеніе предъ выступленіемъ въ горы комплектовать изъ нижнихъ чиновъ команды, которыя назначались для развѣдыванія о непріятелѣ и отысканія удобо-проходимыхъ мѣстъ отрядамъ, намѣревающимся вторгнуться въ непокорные аулы.

Команды эти, называемыя *безъизвѣстными*, были самостоятельны и составлялись исключительно отрядными командирами: начальникъ отряда предлагаетъ гг. полковымъ командирамъ вызвать изъ ввѣренныхъ имъ частей, желающихъ въ безъизвѣстную команду и прислать къ нему. Когда люди выбраны, отрядный командиръ осматриваетъ ихъ, благодаритъ за усердіе къ общей пользѣ, и

*

отдавъ имъ нужныя приказанія и наставленія— какъ поступать въ секретѣ, отсылаетъ ихъ къ адьютанту. Адьютантъ разбиваетъ охотниковъ на команды по 10, 15 и до 30 человѣкъ въ каждую.

Они ввѣряются офицеру или унтеръ-офицеру, смотря по числительности людей и важности порученія.

Вооруженіе и обмундированіе у нихъ такое же, какъ и у Горцевъ: у одного чуха (кафтанъ) синяя, у другаго желтая или бѣлая; словомъ пестрота страшная, все равно, какъ въ нашемъ образцовомъ полку.

Бородъ люди эти не брѣютъ, волосы на головѣ носятъ совершенно короткіе; иногда обриваютъ ихъ до̀ чиста, чтобы болѣе походить на татарина. Нѣкоторые изъ охотниковъ командъ, умѣютъ такъ хорошо разыгрывать роль горцевъ, что являясь во враждебные аулы, никѣмъ не подозрѣваемые, покупаютъ тамъ чурекъ*), кумысъ**)

*) Чурекъ — лепешка изъ пшеничной муки. У нѣкоторыхъ горцевъ они пекутся въ глиняныхъ круглыхъ печахъ и кладутся въ нихъ не на сподъ, а прилѣпляются къ стѣнкамъ печи, на которыхъ иногда бываютъ грубо вытиснуты различныя фигуры. Оттого лепешки, выпеченныя въ такихъ печахъ, выходятъ узорчатыя.

**) Кумысъ — кислое питье изъ кобыльяго или овечьяго молока. Оно довольно крѣпко и питательно.

и возвращаются благополучно къ своимъ *).

Когда наши отряды соберутся въ экспедицію, чтобы занять непокорный аулъ, то напередъ посылаютъ по направленію къ этому мѣсту, нѣсколько *безъизвѣстныхъ* командъ, отслушавъ напутственный молебенъ, они отправляются туда свечера разными дорогами, и пройдя нѣсколько верстъ, залегаютъ въ лѣсу, ущельи или другомъ какомъ нибудь скрытномъ мѣстѣ. Днемъ они разсматриваютъ мѣстность, выползая для этого на возвышенныя мѣста; а ночью прокрадываются дальше, и такимъ образомъ доходятъ до самыхъ ауловъ. При этомъ соблюдается необыкновенная тишина и осторожность: разведеніе огней, громкій разговоръ строго воспрещается. Тишина необходима, иначе команда можетъ быть замѣчена горцами, потому что и они впереди своихъ ауловъ содержатъ подобные-же секреты.

Съѣстныхъ припасовъ берутъ столько, сколько кто знаетъ; отъ этого случается иногда недостатокъ въ продовольствіи команды, и въ этой

*) Апшеронскаго полка капитанъ Скворцовъ постоянно ходилъ съ такими командами и прославился между нами и горцами молодецкою удалью.

крайности рѣшаются стрѣлять по дичи, которую и приготовляютъ гдѣ нибудь въ горной разсѣлинѣ.

Во время слѣдованія въ *залогъ* случается ночью наткнуться на черкесскій секретъ, и тогда если мы превышаемъ его числомъ людей, то вырѣжемъ до чиста; если же непріятель сильнѣе насъ, то мы платимся своими головами за нашу неосмотрительность.

Бываетъ и такое несчастіе; что вся команда погибаетъ въ залогѣ, даже некому и вѣсточки передать въ отрядъ: свидѣтелями ихъ геройской смерти были — лѣсъ да крутыя горы.

Надобно вамъ замѣтить, что эти безъизвѣстные удальцы отличаются примѣрнымъ единодушіемъ и отчаянною храбростію, трусы между ними нетерпятся: какъ только замѣтятъ молодца, готоваго при первой неустойкѣ дать тягу, т. е. ненадежнаго, сей часъ же его выключаютъ изъ своего братства, по пословицѣ: *«баба съ возу — конямъ легче.»*

Вотъ такого-то рода команда, въ которой я находился 5 лѣтъ, въ 1854 году была выслана къ укрѣпленнымъ ауламъ Кумуху и Дучра-Га-

тыру, чтобы развѣдать о намѣреніи Лезгинъ и открыть удобный путь для вторженія въ ихъ аулы.

Кто небывалъ въ Дагестанѣ и представляетъ его себѣ такою-же страною, какъ Чечня или Кабарда, тотъ легко ошибется; а потому не мѣшаетъ для ясности, сдѣлать маленькое описаніе этой страны; вы увидите легко-ли намъ совершать тамъ походы. Чечня не такая гористая страна, какъ Дагестанъ, по ней тянутся второстепенныя, невысокія, горы, понижающіяся незамѣтно по направленію къ рѣкамъ Сунжѣ и Тереку.

Склоны этихъ горъ, называемыхъ «Черными» покрыты сплошными дремучими лѣсами; есть такія мѣста, гдѣ стукъ топора нераздавался, можетъ быть, съ самаго поселенія народовъ на Кавказѣ.

По равнинамъ всякій строевой лѣсъ, фруктовыя деревья растутъ въ изобиліи и принимаютъ громадные размѣры. Земля здѣсь плодоносна и сила растительности такъ велика, что опустившаяся вѣтвь, вростая въ землю, производитъ иногда новое дерево.

Дагестанъ же, исключая прибрежной полосы, рѣзко отличается своею мѣстностію отъ Чечни и

Кабарды: здѣсь мало равнинъ, поверхность его представляетъ возвышенную массу, изрѣзанную глубокими ущельями: Горы представляются, какъ бы поставленными однѣ на другія, и всѣ почти онѣ каменисты и безлѣсны, вершины ихъ покрыты большую часть года снѣгомъ; на нѣкоторыхъ только растетъ скудная трава и мелкій кустарникъ, здѣсь-то Лезгины пасутъ свои стада. Кое-гдѣ по горамъ извиваются тропинки, годныя только для ходьбы въ одиночку, гуськомъ, и не во всякое время года проходимыя: лѣтомъ они заваливаются камнями или глыбами снѣга, скатывающимися съ вершинъ горъ, а зимою заносятся снѣгомъ. Такимъ образомъ тропинки, — это единственное сообщеніе между горцами — остаются непроходимыми мѣсяцевъ на шесть, иногда и болѣе.

Угрюма, дика, больно не привѣтлива эта сторонка!

Лѣсъ тутъ растетъ только по балкамъ и на днѣ ущелій, да и что это за лѣсъ? не изъ чего порядочной избы выстроить; отъ того у Лезгинъ сакли почти всѣ каменныя.

Всѣ рѣки, большею частію, берутъ начало свое съ вершинъ снѣговыхъ горъ, и протекая съ

неимовѣрною быстротою узкими ущельями, съ шумомъ ниспадаютъ по уступамъ.

Въ Чечнѣ во время зноя или засухи рѣки мелѣютъ, пересыхаютъ, на непереходимыхъ мѣстахъ являются броды; а тутъ на противъ — онѣ прибываютъ отъ тающихъ снѣговъ и у носятъ съ собою всё, что мѣшаетъ имъ привольно катить свои воды.

Въ Чечнѣ и Кабардѣ при ничтожномъ трудѣ земледѣльца посѣвы даютъ богатую жатву; а въ Дагестанѣ, чтобы найти удобную подъ посѣвъ землю, нужно много выходить мѣста, да и тогда найдешь какой-нибудь участокъ, гдѣ только съ огромнымъ трудомъ можно кой-какъ вести полевыя занятія: или почва земли камениста, или самый участокъ выдастся на какомъ нибудь крутомъ обрывѣ, того и гляди голову сломишь. Чтобы высѣять не много пшеницы или ячменя, бѣдному Лезгину приходится иногда съ торбою за спиной, лазить цѣлый день по крутымъ скатамъ горъ, ища небольшой площадки, гдѣ бы можно было хоть съ сомнительной надеждой раскидать зерна. Оттого Лезгины мало занимаются земледѣліемъ, богатство ихъ — стада барановъ.

*

Теперь понятно, отчего Лезгины и вообще обитатели нагорнаго Дагестана, бьются до последняго издыханія за свой аулъ: не легко имъ достается разхозяйничиться — построить саклю и испечь чурекъ.

Незавидна и домашняя жизнь Лезгина. Лишенный всякихъ удобствъ въ жизни, разобщенный съ сосѣдями по неприступности мѣстъ, онъ поневолѣ становится суровымъ и хищнымъ; а вѣра ихъ, называемая шарріатомъ, запрещаетъ имъ всякія удовольствія. Оттого Лезгинъ рѣдко бываетъ въ радушной дружеской бесѣдѣ и всегда смотритъ на всѣхъ какимъ-то несытымъ и неукротимымъ звѣремъ.

Чеченецъ скорѣе сдастся и согласится на мирныя предложенія Руссихъ, а Лезгинъ будетъ биться на смерть и уже съ своей стороны не дастъ никому пощады, — чувство состраданія ему незнакомо*). Старые солдаты помнятъ какъ Шамиль рѣзался съ нами, желая возвратить отобранныя у него укрѣпленія.

---

*) Въ 1851 году Лезгины, подкарауливши нашъ секретъ, перерѣзали его; а нагія мертвыя тѣла воткнули на заостренныя молодыя деревца. Въ такомъ положеніи нашла ихъ партія нашихъ охотниковъ.

Вотъ про южный Дагестанъ, гдѣ расположенъ Самурскій отрядъ, грѣхъ плохое сказать,—сторона привольная. Поля тамъ хорошо обработаны; кукуруза, рисъ и пшеница доставляютъ жителямъ большія выгоды. Да и народъ-то тамъ будетъ посговорчивѣе, отъ того что хлѣбъ-соль между собою водитъ, на міру ума разума набирается. Во многихъ аулахъ случалось нашему брату кунаковъ заводить, которые частенько помогали намъ и словомъ и дѣломъ.

Солнышко начинало уже спускаться за горы, когда мы въ числѣ 15 человѣкъ, выступили съ позиціи у горы Чарта-дагъ. Дороги, разумѣется, не было никакой, надобно было идти цѣликомъ: то опускаться въ ущелья, то взбираться на горы, изрѣзанныя множествомъ крутыхъ и глубокихъ овраговъ.

Пройдя такимъ кошачьимъ походомъ верстъ пятокъ, мы опустились въ балку. Сторона, на которой мы находились, поросла лѣсомъ, а противоположная — была совершено обнажена; только кое-гдѣ въ разсѣлинахъ видѣлся мелкій, колючій кустарникъ, чрезъ который еслибъ случилось проходить, то заблаговременно нужно было бы рѣ-

шиться пожертвовать своими шароварами. Въ гору вилась тропинка, усѣянная мелкимъ голышомъ. Мѣсто для отдыха было самое удобное, мы тутъ и остановились; уже стемнѣло, надобно было заранѣе избрать себѣ мѣстечко для ночлега.

Маленькій отрядъ нашъ раздѣлися на двое: половина его прилегла, укрывшись чѣмъ попало, и поговоривъ о завтрашнемъ днѣ, уснула; а остальные товарищи попарно размѣстились впереди и сзади насъ. Обязанность ихъ была — содержать караулъ.

Сонъ нашъ, разумѣется, не былъ богатырскимъ: одинъ глазъ спалъ, а другой на сторожѣ былъ, нехотѣлось какъ говорится въ одной пѣснѣ:

Чтобъ заснувши, носъ и уши
Съ головою не проспать.

Однакожь ночь прошла благополучно, и незамѣтили какъ занялась ясная зорюшка. Ужь именно, что только въ такихъ краяхъ какъ Кавказъ, вспыхиваетъ настоящая ясная зорюшка. Тутъ, лишь только покажется надъ гиризонтомъ солнышко, то лучи его разсыпляясь по вершинамъ снѣговыхъ горъ, заблещутъ милліонами золотыхъ и серебрянныхъ искръ, пурпуромъ и огнемъ за-

льется весь востокъ. — Глядишь и ненаглядишься на эти горы, такъ хороша здѣсь картина солнечнаго восхода.

Часовъ около 8 утра вся партія оставила мѣсто ночлега и поднявшись въ гору, расположилась на небольшой каменистой площадкѣ, откуда взоръ обнималъ мѣстность на большое пространство. Позиція была самая выгодная для наблюденій: мы всё видимъ, насъ—развѣ залётная пташечка замѣтитъ.

Чтобы еще болѣе обезопасить себя отъ неожиданнаго нападенія Горцевъ, то 3 человѣка изъ нашей партіи (въ томъ числѣ два брата Мансуровы, крещеные татары Казанской губерніи), отдѣлясь отъ насъ, залегли шагахъ въ 200-хъ впереди площадки, ближе къ нашей линіи. Такъ пролежали мы до самаго вечера.

Скучно быть въ такомъ бездѣйствіи, особенно когда придется недѣльку другую проваляться на одномъ мѣстѣ. Правда, воображеніе работаетъ, представляетъ тебѣ различныя картины удачъ и неудачъ нашего боеваго кружка, голова наполнится Богъ знаетъ какими темными мыслями, о чемъ тутъ не передумаешь; но такая умственная ра-

бота не поплечу солдату — утомительна: нашъ братъ привыкъ больше работать руками и ногами.

Пробовали мы разсказывать про свои молодецкіе подвиги, но разсказъ какъ-то не клеился: намъ хотѣлось поскорѣе увидѣться съ непріятелемъ да повторить на дѣлѣ разсказы, коли удастся. Желаніе наше, ко всеобщему удовольствію, скоро исполнилось.

Трое изъ отдѣлившихся отъ насъ товарищей торопливо возвращались къ намъ съ своего наблюдательнаго поста, и видно было что имъ очень хотѣлось поскорѣе передать намъ о своихъ замѣчаніяхъ. Мы встрѣтили ихъ съ радостію.

«Что новаго?» спросилъ я.

«Отъ нашей линіи, далеко на горизонтѣ показались два всадника, — отвѣчали пришедшіе товарищи—только за дальнимъ разстояніемъ нельзя опредѣлить, что это за люди: мирные или непріязненные.» Надобно было пользоваться временемъ, тотчасъ распорядились слѣдующимъ образомъ: трехъ, вернувшихся съ поста товарищей, отправили по дорогѣ къ аулу. Они должны были подняться на гору въ то время, когда всадники, минуя насъ,

спустятся въ балку; а намъ слѣдовать за ними не въ дальнемъ разстояніи.

Оправивши оружіе мы, кто какъ могъ, укрылись за камнями и въ рытвинахъ площадки. Кругомъ царствовала совершенная тишина, ни малѣйшій шорохъ не выдавалъ насъ въ этомъ глухомъ мѣстѣ.

Топотъ лошадей слышался все явственнѣе и явственнѣе, наконецъ показались и самые горцы. Ихъ было четверо: двое, завернутые въ бурки, ѣхали верхомъ и двое шли около нихъ. Изъ долетавшихъ до насъ словъ, ясно было видно, что *пѣшіе* о чемъ-то страшно спорятъ. Миновавъ насъ, всѣ они спустились въ балку. Съ Богомъ, голубчики, подумалъ я,—увидите нашихъ кланяйтесь своимъ!

Какъ только всадники скрылись въ лѣсу, мы осторожно сползли съ площадки и пошли къ мѣсту нашего ночлега. Горцы, спустясь въ балку, приказали спѣшиться всадникамъ и отпустивъ подпруги у коней, потянулись въ гору.

Тропинка была такъ узка, что двѣ лошади не могли идти рядомъ, а потому горцы шли, какъ говорится, *гуськомъ*. На половинѣ горы, одинъ изъ

братьевъ Мансуровыхъ загородилъ переднему горцу дорогу.

«Бусинъ арда киты?» (куда идешь?) спросилъ Мансуровъ.

— «Въ аулъ!» отвѣчалъ Горецъ.

«А кто съ тобою въ буркахъ?»

Горецъ ничего не отвѣчалъ, проворно выхватилъ изъ за пояса пистолетъ, но неуспѣлъ, бѣдняжка, выстрѣлить: товарищъ-то нашъ татаринъ, должно быть, былъ попроворнѣе Азіата и ловко угодилъ ему по башкѣ увѣсистымъ кинжаломъ,— азіатъ повалился на землю.

Братъ Мансурова съ товарищемъ бросились на остальныхъ азіатовъ, но двое изъ нихъ — что были въ буркахъ, — просили по русски пощады, а третій, повернувшись назадъ, вскочилъ на коня и помчался, сломя голову, подъ гору. Но и этотъ недалеко ускакалъ отъ смерти: мы его встрѣтили на днѣ балки и тутъ-же уходили.

Трое товарищей нашихъ спустились къ намъ, поздравили насъ съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла и показали намъ свою добычу — двухъ плѣнниковъ. Къ удивленію нашему это были двѣ русскія поселянки изъ Дербентскаго округа: мать,

женщина лѣтъ за 40 и дочь ея, еще очень молодая дѣвушка — лѣтъ 14 не болѣе. Мы ввели ихъ въ лѣсокъ, усадали между собою и просили разсказать какимъ образомъ попались они къ горцамъ.

Мать насилу пришла въ себя отъ радости; она сперва душевно поблагодарила насъ за избавленіе ея съ дочерью отъ плѣна, потомъ разсказала слѣдующую исторію.

«Вчерашняго дня, въ полдень, вышла я съ Машею (такъ звали ея дочь) въ садъ для сбора винограда. День былъ жаркій и мы забрались подальше отъ хаты, въ самое тѣнистое мѣсто сада, чтобы солнце не мѣшало нашей работѣ. Дочка моя усердно срѣзывала кисти винограда, живо переходила отъ одной лозы къ другой и незамѣтно отъ меня удалилась.

Вдругъ она глухо вскрикнула, я побѣжала на ея голосъ. Батюшки мои, что это?... Дочка моя лежитъ на рукѣ Черкеса, раскрывши ротъ. Я тоже вскрикнула и хотѣла было вернуться домой, но меня схватили въ одну минуту и вложили въ ротъ что-то на подобіе деревяннаго шарика.*)

*) Горцы вкладываютъ въ ротъ своимъ плѣнникамъ деревян-

Тутъ только я поняла, почему моя дочка немогла кричать и закрыть рта. Двое Черкесъ, накинувъ на насъ бурки, вышли съ нами за плетень сада, сѣли на лошадей, посадивъ насъ передъ собою. Я хотѣла сопротивляться, но мой Азіатъ показалъ мнѣ такой страшенный, широкій кинжалище, что у меня разомъ отпала охота къ сопротивленію. Ну, думаю себѣ: хоть ты, что хошь сомной дѣлай, варваръ, куда хошь сажай меня, непикну— твоя воля! Чортъ тебя возьми! Мы проѣхали крупною рысью позади садовъ деревни и никто-то, какъ на грѣхъ, не помѣшалъ нашимъ разбойникамъ. Вотъ и деревня скрылась, пошли все ухабы да камни по дорогѣ, а мы все ѣдемъ. И ѣхали мы, отцы мои, такимъ манеромъ чрезъ горы и долины до темнаго вечера, пока не остановились у опушки небольшаго лѣса. Черкесы, проворно соскочивъ съ усталыхъ коней, взяли и насъ, съ трудомъ вытащили изъ ртовъ нашихъ проклятые шарики и приказали намъ сѣсть на разостланныя бурки. Разнуздавъ лошадей привязали ихъ на арканахъ къ дереву; бѣдныя животныя фыркали, ша-

---

ные шарики для того, чтобы они не кричали. Такъ горцы поступаютъ только тогда, когда боятся за собою погони.

таясь во всѣ стороны. Такъ они были замучены! Черкесъ, ѣхавшій съ дочерью, отправился въ лѣсъ и вскорѣ возвратился оттуда съ охапкою сухаго хвороста. Развели огонь. Я обрадовалась ему, полагая что мы будемъ грѣться у костра; признаться, стало холодновато, мы продрогли — туманъ густою полосою разстилался по землѣ. Черкесы сидѣли рядомъ съ нами и жадными взглядами, казалось, пожирали насъ.

Костеръ сгорѣлъ, только синенькій огонекъ перебѣгалъ по уголькамъ.

Уже совсѣмъ стемнѣло, ждемъ что будетъ дальше. Дочкинъ Черкесъ взялъ свою бурку, побѣжалъ съ нею неизвѣстно куда и черезъ нѣсколько минутъ вернулся. Разгребя горячіе уголья, онъ положилъ на мѣсто ихъ слегка намоченную бурку.

Вся эта работа была для меня непонятна, но ужь сердце чуяло что не быть тутъ добру. Я сидѣла ни жива, ни мертва, пожимая руки моей дочери, которая тряслась, какъ осиновый листокъ. Черкесъ подошелъ къ дочери и погладивъ ея голову, сказалъ ей что-то на басурманскомъ языкѣ. Маша бросилась ко мнѣ и обхвативъ шею мою ру-

ками, просила моей защиты. Но что я могла сказать ей въ утѣшеніе? широкій кинжалище невыходилъ у меня изъ памяти.»

Горькія воспоминанія о прошедшей ночи разтревожили бѣдную дѣвушку. Она плакала и молча утирала слезы, катившіяся по лицу. Она была прекрасна.

«Небуду подробно вамъ разсказывать, какъ увивался Черкесъ около моей дочери, какія оказывалъ ей странныя ласки: каждый изъ васъ хорошо знаетъ, что хищному горцу ничего не значитъ лишить дѣвушку ея сокровища — чести.»

Оскорбленной матери больно было продолжать этотъ разсказъ, — да и что тутъ разсказывать — мы хорошо знали сладострастныхъ Лезгинъ.

«Такъ прошла долгая, томительная ночь,—наплакавшись продолжала женщина. Когда Черкесы встали, то солнышко уже давнымъ давно свѣтило, начали собираться въ дорогу. Одинъ изъ азіатовъ отвязалъ коней, водилъ ихъ куда-то,—должно быть на водопой — и когда онъ вернулся, насъ опять посадили на лошадей, только ужъ сами Черкесы не садились на нихъ, а шли возлѣ насъ. Я взглянула на дочку: она понуривъ голову, едва держа-

лась въ седлѣ, словно къ смерти приговоренная— въ блѣдномъ лицѣ ея и кровиночки не было. Какъ мнѣ ни страшно было, а я спросила ее:

Что ты, дочка, больна что-ли?

Не спрашивай меня, мама! отвѣчала она.

Тѣмъ разговоры мои съ нею начались и кончились.

Я горько заплакала; но рыданія моего никто не слыхалъ. «Боже, молилась я, неоставь насъ, невинно пострадавшихъ!»

Около полудня Черкесы дали намъ по пшеничной лепешкѣ, довольно пріятнаго вкуса. Только мы и получили отъ нихъ пищи за полуторы сутокъ.

Къ вечеру мы спустились въ глубокую балку и изъ словъ «аулъ» часто произносимыхъ Черкесами, я догадывалась, что мы уже недалеко отъ гнѣзда разбойниковъ. Кровь застыла въ моихъ жилахъ и я думала, что уже не увижу болѣе моей семьи — умру въ тяжкомъ плѣну. Но Создателю угодно было, чтобы мы были близко и къ нашему спасенію. Заступница Святая услышала мои молитвы и послала намъ васъ, избавители наши»!...

Бросивъ мертвыя тѣла горцевъ въ горную раз-

селину, мы раздѣлили оружіе ихъ между собою. Пять человѣкъ изъ нашей команды вызвались отправиться съ поселянками и лошадьми къ нашей позиціи на Чарта-дагъ; а мы, въ числѣ 10 человѣкъ, рѣшились остаться на прежнемъ мѣстѣ, — выжидать еще чего нибудь по важнѣе двухъ хищниковъ.

ГОЙТИНСКІЙ ЛѢСЪ.

(Изъ разсказовъ У. О. О—скаго).

Въ 1844 году, я служилъ въ Куринскомъ пѣхотномъ полку. Великимъ постомъ того года въ Воздвиженскомъ укрѣпленіи, гдѣ стоялъ нашъ полкъ, былъ праздникъ, — непомню какого святаго. По утру, какъ водится, отслужили молебенъ, поздравили другъ-друга съ праздникомъ и выпили за общее здоровье по казенной чаркѣ зелена вина; у кого-же было свое — тотъ пропустилъ и за свое здравье по другой и третьей: къ обѣду порядочно понабрались. Пробили на обѣдъ, и дежурные унтеръ-офицеры повели къ столу едва-ли половину людей: у нѣкоторыхъ не оказалось аппетита, а у другихъ руки и ноги ходуномъ ходили, такъ этихъ уложили по нарамъ, — пусть, дескать, маленько поуспокоятся, здоровѣе будетъ. Часовъ въ 12 пообѣдали.

Вдругъ получаемъ приказаніе, что первому батальону приготовиться въ Гойтинскій лѣсъ за дровами: въ сараяхъ, говорятъ, полѣна не осталось, чтобы изготовить ужинъ.

Можете себѣ представить, какъ это извѣстіе насъ переполошило; солдатики знаютъ, что идти непремѣнно нужно,—дровъ нѣтъ, да не могутъ: у одного съ угару голова трещитъ, у другаго ноги мыслѣте пишутъ, а у третьяго и все никуда негодится. Однакожь коё-какъ скомплектовали изъ двухъ батальоновъ одинъ и вышли за ворота укрѣпленія, чтобы построиться для слѣдованія въ лѣсъ. Съ нами-же находилось до сотни повозокъ, при нихъ русскіе поселяне и мирные черкесы; descremъ орудіямъ донской батареи приказано слѣдовать за нами.

Собравъ гг. офицеровъ и отдавъ имъ какія-то приказанія, батальонный командиръ повелъ баталіонъ.

Пока мы стояли на мѣстѣ тишина коё-какъ соблюдалась во фронтѣ, но лишь только тронулись, шумъ и говоръ раздался по батальону. Многіе разсказывали другъ-другу сами не зная что: разумѣется, въ полупьяной башкѣ хорошая мысль

не держится, а живетъ тамъ чортъ знаетъ что, о чемъ и говорить не хочется.

Вокругъ меня собралось нѣсколько человѣкъ изъ моихъ хорошихъ товарищей и расказывали мнѣ о снахъ прошедшей ночи, и странно: каждому изъ нихъ снилось что нибудь непріятное или предвѣщающее бѣду. Да и мнѣ признаться сказать, привидѣлся красный пѣтухъ, вскочившій въ горячую печь и тамъ опалившій себѣ перья. Сонъ этотъ невыходилъ у меня изъ головы и какъ тяжелый камень давилъ мнѣ сердце. Каждый изъ моихъ товарищей перетолковывалъ сны на разныс манеры и всѣ единодушно рѣшили, что настоящій день непройдетъ благополучно. Я хотя не вѣрю никакой чертовщинѣ, а тѣмъ болѣе снамъ, но все таки призадумался.

За этими расказами и разсужденіями мы и незамѣтили какъ спустились въ оврагъ, перешли въ бродъ небольшой ручей, и очутились у лѣса.

Батальонный командиръ, намѣреваясь тутъ остановиться для сбора дровъ, приказалъ головной части баталіона убавить шагу, чтобы собрать людей. Но такъ какъ въ этомъ мѣстѣ мелкій лѣсъ давно уже былъ вырубленъ и остались только одинокія

охвата по два деревья, то солдаты просили гг. офицеровъ отправиться далѣе въ глубь лѣса, гдѣ можно было поскорѣе и легче заготовить дрова. Сказано—сдѣлано. Батальонный командиръ—царство ему небесное, добрякъ былъ: согласился податься еще версты на двѣ впередъ — на двѣ версты ближе къ смерти.

Бѣда, когда начальникъ мягкаго характера и желая угодить подчиненнымъ, легко соглашается на необдуманныя ихъ просьбы. Вотъ, напримѣръ, походомъ идешь себѣ въ знойное время съ тугонабитымъ ранцемъ. Солнце свѣтитъ ярко и печетъ солдатушекъ до нельзя куда хочетъ. Кругомъ мертвая тишина, ни одинъ листокъ на древѣ не шелохнется, ни одной мошки не кружится въ воздухѣ: все въ природѣ замлѣло, погрузилось въ какую-то сладкую, разымчивую дремоту.

«Ахъ, ка-бы вѣтерку маленько, али водицы глотокъ,—говорятъ солдаты, вытирая покрытыя потомъ и пылью лица,—усталь-бы какъ рукой сняло!» Но вѣтерка и воды, какъ нарочно въ наличности неоказывается. Нечего дѣлать, назвался грибомъ полезай въ кузовъ: хоть трудновато, а идти надо

до привала или станціи, — безъ отбоя умориться не моги!

Но вдругъ повѣяло прохладой, слава Богу, кажись рѣка недалёко. Солдаты ободрились, прибавили шагу, а которые посмѣлѣе, тѣ уже у рѣки и набираютъ манерками воду, а изъ манерокъ переливаютъ въ горло. «Пошли назадъ!» кричитъ ротный командиръ, и смѣльчаки, выливъ воду, возвращаются къ ротѣ, недовольные приказаніемъ.

«Вишь, жалко божіей воды, шепчутъ солдаты,— человѣкъ помираетъ отъ жажды, а тутъ не смѣй напиться!» Сначала подумаешь, что товарищи правы; а какъ поразмыслишь хорошенько, то и увидишь, что товарищи-то врутъ: языкъ безъ костей, лепечетъ, что хочетъ — а ротный командиръ правъ. Допусти-ка нашу братію къ водѣ, раскраснѣвшихся, какъ свёкла отъ жары и утомленія, ну порядка и не спрашивай: поднимутъ такую толкотню и шумъ, хуже чѣмъ стадо безсловесное, пригнанное на водопой; а лоботрясъ-рекрутъ, незнающій умѣренности, до тѣхъ поръ будетъ пить, пока силы хватитъ. Смотришь, послѣ животъ раздуло, ноги ноютъ и потащатъ его горемычнаго въ фургонъ, да въ госпиталь; а от-

туда до могилы — небольшой переходъ. Вотъ-те и напился водицы, избавился отъ устали! Эту рѣчь я веду къ тому, что было бы лучше для насъ, если бы батальонный командиръ не внялъ просьбамъ гг. офицеровъ, — а тутъ-же и нашимъ — а началъ бы рубить деревья при опушкѣ лѣса, тамъ, гдѣ намѣревался сначала остановиться. Правда, сдѣлали бы мы не много и руки намозолили бы, да всё-же лучше имѣть руки съ разными мозолями и царапинами, чѣмъ остаться вовсе безъ рукъ. Оно такъ и вышло.

И такъ мы подавались впередъ. Скрыпъ арбъ, ржаніе лошадей, смѣшиваясь съ криками погонщиковъ, далеко раздавалось по лѣсу. Чѣмъ далѣе шли, тѣмъ лѣсъ становился гуще и разнообразнѣе: вѣковые сосны, ели и дубы переплетались безчисленнымъ множествомъ колючихъ растеній и кустарниковъ; огромные камни, лежали по дорогѣ и замедляли наше слѣдованіе. Надобно было остановиться.

Послали по нѣскольку человѣкъ въ разныя стороны осмотрѣть мѣстность, чтобы удобнѣе было расположить баталіонъ для рубки лѣса. Вскорѣ одинъ изъ посланныхъ патрулей возвратился и до-

несъ, что не въ далекѣ есть луговина, на которой можно размѣстить хоть цѣлый полкъ. Сейчасъ-же выслали цѣпи: авангардную, арьергардную и боковыя и заняли сказанную луговину. Обозъ остановился на зади, впереди него выдвинуты были 3 орудія донской батареи, а погонщики назначены были для укладки дровъ на повозки. Носились слухи, что около Аргуна рѣки, появилось скопище злыхъ Черкесовъ-Чеченцевъ, и что, они занимаются устройствомъ большихъ заваловъ и проведеніемъ рва, чтобы помѣшать вторженію нашихъ войскъ въ ихъ аулы.

Въ то время, когда начали разставлять цѣпь по краю луговины, я сообщилъ моимъ товарищамъ о возможности наткнуться на непріятельскій секретъ, и о томъ, что о движеніи нашемъ изъ укрѣпленія въ Гойтинскій лѣсъ, может быть уже дано знать Чеченцамъ, работающимъ у заваловъ. Подобныя извѣщенія со стороны мирныхъ Черкесовъ нерѣдкость: они не откажутся, когда есть возможность, измѣнить Русскимъ.

Напомнилъ я товарищамъ моимъ также и о снахъ прошедшей ночи, — всѣ мы невольно переглянулись. Предчувствіе о какомъ-то близкомъ не-

счастіи начало западать въ мое сердце, а красный пѣтухъ такъ и лезъ въ глаза.

На мою долю выпало стоять въ передовой цѣпи, вмѣстѣ съ полупьянымъ, но храбрымъ товарищемъ Филипомъ Захаровымъ.

Сборъ дровъ начался прилѣжно: Куринцы разсыпались по окраинѣ лѣса и толстыя вѣтви деревъ, отсѣкаемыя топорами, покатились внизъ, гдѣ перевязывались въ вязанки и относились въ обозъ. Работа продолжалась успѣшно, разговоры на время умолкли, только раздавался стукъ топоровъ, шумъ, да трескъ отъ падающихъ деревъ. Я пристально смотрѣлъ во всѣ стороны, но не могъ удалить отъ себя мысли о скорой неминуемой опасности. «Вотъ, вотъ выскочатъ Чеченцы!» нашептывалъ мнѣ какой-то бѣсъ въ уши. Филипъ Захаровъ, утомившись, отошелъ отъ меня и сѣлъ на пень, не выпуская изъ рукъ ружья. Ненадѣясь на бдительность товарища я удвоилъ вниманіе и впился глазами въ лѣсную тёмь. Кто-то тамъ какъ-будто кашлянулъ. Я пригнулся и затаилъ дыханіе..... Всматриваюсь—и глазамъ своимъ не вѣрю: противъ меня шагахъ въ 25 стоитъ плечистый, худощавый Черкесъ. Шапка на немъ была

выворочена, рукава у бешмета засучены, въ жилистой рукѣ сверкала шашка. Черкесъ обернулся назадъ и по этому знаку, плавно приподнялись остальные его товарищи, одѣтые и вооруженные также какъ онъ. Я закричалъ: «къ ружью!» Захаровъ дремалъ, но услышавши мой крикъ, вскочилъ, выстрѣлилъ на обумъ и вмигъ былъ изрубленъ нахлынувшею толпою Черкесовъ. Увидя невозможность и безполезность сопротивленія внезапно появившемуся непріятелю, я кинулся назадъ въ лѣсъ.

Партія Чеченцевъ въ нѣсколько тысячъ, вооруженныхъ большею частію холоднымъ оружіемъ, прорубилась сквозь цѣпь, уничтожила ее и бросилась съ дикимъ визгомъ на Куринцевъ, неуспѣвшихъ построиться. Тутъ-то произошла кровавая и упорная схватка по одиначкѣ! Наши не робѣли.... Черкесы, надѣясь на свою многочисленность, врубались въ кучки солдатъ, крошили ихъ въ куски и сами въ свою очередь падали проколотые насквозь штыками.

Пролетѣвъ сквозь нестройныя кучки баталіона, Черкесы съ яростію кинулись въ шашки на людей, бывшихъ у обоза.... Пальники сверкнули, раздались выстрѣлы орудій, и когда клубы дыма раз-

сѣялись: груды непріятельскихъ тѣлъ лежали разбросанными противъ орудій. Картечь выполнила свое дѣло на славу! Эта неудача не остановила дерзкихъ горцевъ, — раздавшись въ стороны, они обошли обозъ и тутъ-то снова началась рѣзня: плохо вооруженные поселяне и мирные Черкесы падали подъ ударами шашекъ и кинжаловъ своихъ собратовъ. Однакожь большая часть погонщиковъ успѣла разсѣяться по лѣсу, чтобы укрыться отъ преслѣдованія горцевъ.

Въ короткое время все было покончено: много Куринцевъ изрублено, да не мало ихъ и переранено.

Въ то время когда наша артиллерія сдѣлала залпъ изъ орудій, чрезъ нѣсколько минутъ слышенъ былъ пушечный выстрѣлъ: должно быть сигнальный изъ укрѣпленія. Непріятель, зная что къ намъ скоро прибудетъ подкрѣпленіе, съ которымъ ему трудно будетъ бороться, обрубилъ гужи у хомутовъ, вывелъ изъ обоза часть лошадей и отступилъ чрезъ лѣсъ къ р. Аргуну.

Дѣйствительно къ намъ пришли на помощь оставшіеся Куринцы, но было уже поздно: отступленіе Чеченцевъ совершилось также быстро и не-

ожиданно, какъ и нападеніе. Гнаться за ними не рѣшились; было безразсудно преслѣдовать многочисленнаго непріятеля по лѣсу; пожалуй и въ ловушку-засаду попадешься.

1 ротный командиръ и 80 нижнихъ чиновъ лежали убитыми; раненныхъ также было довольно, въ томъ числѣ и другой ротный командиръ. Потерю же непріятеля невозможно было вѣрно опредѣлить, потому что всѣхъ своихъ товарищей убитыхъ и раненныхъ, они уносятъ съ поля сраженія. Надо полагать, что у горцевъ выбыло изъ строя болѣе нашего: кромѣ того, что ихъ порядкомъ уложили на полянѣ, около орудій лежали ихъ кучи. Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстно, что у горцевъ убито было много отважныхъ и любимыхъ ими начальниковъ.

Намъ приказано было построиться для возвращенія въ укрѣпленіе. Когда баталіоны собирали раненныхъ, убитыхъ и понесли ихъ къ повозкамъ, то нашли одного тяжело-раненнаго Чеченца, неизвѣстно по какому случаю оставленнаго своими товарищами въ нашихъ рукахъ. Онъ разсказалъ, что партія Чеченцевъ, большею частію изъ раззоренныхъ ауловъ, долго укрывалась въ

непроходимыхъ мѣстностяхъ и за завалами, устроенными по горамъ. Дожидаясь долгое время выступленія баталіоновъ изъ укрѣпленія Воздвиженскаго, они отъ нечего дѣлать, вышли на работу, чтобы еще далѣе повести и укрѣпить завалы, гдѣ и находились нѣсколько дней. Въ это время имъ дано было знать — Богъ знаетъ кѣмъ — о движеніи Куринцевъ по направленію къ лѣсу. Горцы, оставивъ завалы разсыпались по лѣсу, въ ожиданіи приближенія баталіона. Когда же они узнали численность Русскихъ и причину появленія ихъ въ лѣсу, то прокрались къ луговинѣ, окружили ее, дожидаясь когда люди примутся за работу.

Расчетъ ихъ оказался вѣренъ.

Когда завязался бой на луговинѣ, я спрятался за огромный камень и оттуда мѣткими выстрѣлами уложилъ на повалъ нѣсколько Чеченцевъ, казавшихся мнѣ болѣе опасными. Я полагалъ, что въ общей схваткѣ меня никто не замѣтитъ, неторопясь заряжалъ двухстволку моего ротнаго командира. Но я жестоко ошибся: дымъ, поднимавшійся отъ выстрѣловъ, измѣнилъ мнѣ. Меня увидѣли, и человѣкъ 12 горцевъ бросились за мною. Я вскочилъ и что есть силы пустился бѣжать по тропинкѣ;

а чтобы запутать мой слѣдъ и сбить съ толку моихъ преслѣдователей, бросался то вправо, то влѣво; но направленіе держалъ къ укрѣпленію.

Я увѣренъ былъ, что меня не скоро догонятъ и уже пробѣжалъ болѣе версты, все еще несмѣя оглянуться. Дорожка стала съуживаться, я укоротилъ бѣгъ, чтобы перевести духъ и обернулся назадъ.

Чеченцы какъ есть всѣ на лицо гнались за мною. Можетъ быть ихъ было и менѣе да мнѣ такъ показалось, — у страха глаза велики. «Ну, прощайте добрые товарищи, подумалъ я, пришелъ и мой конецъ!»

Однакожъ я ободрился и положился во всемъ на волю Господню: чему быть, того не миновать, а жизни своей дешево не продамъ. Чеченцы гнались за мною въ нѣсколькихъ шагахъ, угрозы ихъ раздавались въ ушахъ моихъ. Я все бѣгу и бѣгу, потъ катился съ меня градомъ, уже и ноги мои стали подкашиваться. Къ довершенію же моего несчастія, тропинка совсѣмъ затерялась, мнѣ нужно было руками расправлять вѣтви, чтобы подаваться впередъ. Пробѣжавъ еще нѣсколько шаговъ, я круто повернулъ въ сторону, дикій виноградъ загра-

дилъ мнѣ дорогу. Остановившись на нѣсколько минутъ, я прислушался: крикъ и шаги моихъ преслѣдователей едва слышались. Надежда на спасеніе блеснула въ душѣ моей и придала мнѣ новыя силы. Сорвавъ нѣсколько ягодъ рябины и утоливъ ими жажду, я опять началъ пробираться къ укрѣпленію. Не могу навѣрное сказать, сколько верстъ пробѣжалъ я по лѣсу — дорога была незнакомая, только должно быть не мало. — Ноги у меня ныли, голова горѣла, какъ въ огнѣ; нужно было отдохнуть и я присѣлъ на кочку. Кругомъ меня все было тихо, только на душѣ непокойно; я все еще поджидалъ моихъ непріятелей и зналъ, что они не скоро отказываются отъ удобнаго случая убить солдата или захватить его живьемъ. Какъ я предполагалъ, такъ и случилось: по моимъ слѣдамъ осторожно пробирался Чеченецъ и безпокойно озирался во всѣ стороны. Я всталъ, прислонился къ дереву; двухстволка со взведенными курками лежала у меня на рукѣ.... Чеченецъ аршиннымъ кинжаломъ разрубалъ колючіе кусты, заслонявшіе ему дорогу и приближался ко мнѣ. Я ждалъ....

Подпустивъ его къ себѣ шаговъ на десять, я

выстрѣлилъ—противникъ мой пошатнулся и упалъ навзничь. Отойти отъ дерева я не смѣлъ и нѣсколько минутъ дожидался появленія еще кого-нибудь изъ моихъ непріятелей, но никто не показывался. Тогда я подбѣжалъ къ горцу, снялъ съ него оружіе и съ этою добычей благополучно вышелъ изъ лѣсу. Солнце уже садилось когда я явился въ укрѣпленіе. Товарищи мои, оставшіеся въ живыхъ и возвратившіеся изъ Гойтинскаго лѣса, встрѣтили меня, какъ выходца съ того свѣта. «Ну, братъ, сказали они, ненадѣялись мы увидѣть тебя живаго. Жить тебѣ, значитъ сто лѣтъ.»

«Вашими бы устами мёдъ пить, братцы!»

LIBRARY OF CONGRESS
00025304081